

«И милость к падшим призывал...»

У Анатолия Приставкина есть черта, довольно резко выделяющая его даже на сегодняшнем литературном фоне, талантами отнюдь не обделенном. Есть-то есть, и очень даже заметная, а вот сформулировать ее трудно.

Однако попробую.

Пожалуй, это – тончайший нравственный слух. Трепетная, дышащая человечность, захватывающая читателя, едва он только прикасается к его книгам. Та мера душевной открытости, какого-то детского, простодушного принятия Божьего мира, подделать которую невозможно.

Помнится, как двадцать лет назад, когда в журнале «Знамя» напечатана была безусловно лучшая повесть А. Приставкина «Ночевала тучка золотая», люди передавали ее из рук в руки (тогда все были повально охвачены эпидемией чтения), и на лицах появлялась удивительная просветленность. Как отсвет тепла, пронизывающего повесть. Хотя настоящая литература – как ее тогда называли, «возвращенная», издавалась с невиданным размахом.

А ведь рассказывалось в повести о вещах тяжелейших. И тяжесть эту А. Приставкин отнюдь не сглаживал, не приукрашивал. Жестокая правда буквально хлестала со страниц книги. Да, ребята-детдомовцы, обовшивевшие, оборванные, оголодавшие, знают, что на всем свете никого у них нет, надеяться им не на кого, а значит, дай только Бог удали и сил, чтобы стырить на рынке половчее чудо невиданное – белый пшеничный батон – да рвануть с ним что есть мочи. Да, они, эти ребята, и писателям не верят, даже самым великим. В каком-то отрывке из Толстого, читанном учительницей на уроке, услышали они, что стареющий Кутузов с неохотой, с отвращением ест цыплячье крылышко. «Да они бы тотчас за косточку обглоданную от того крылышка побежали бегом куда угодно!» Такого голода в писательском кабинете, в сытости и холе, не выдумаешь. Его пережить надо. Детдомовцем надо побыть. И в самые страшные – в военные - годы.

А. Приставкин, родившийся в 1931 году, и был в начале войны именно таким – изголодавшимся, измученным, похоронившим мать десятилетним мальчишкой. Жизнь беспощадно погоняла его по детdomам и интернатам. Ему только в одном повезло: отец, хоть и израненный, все-таки с фронта вернулся, что само по себе было делом редчайшим. Если мы говорим о тридцати миллионах погибших (или даже больше – точной цифры никто не знает), то должны понимать, что и сироты военные тоже исчисляются миллионами. Горем сиротским, а заодно и материнским, и сестринским, и дочерним, насквозь пропитана наша земля.